

въ народной толпѣ прохаживались безпардонные гуляки, всячески стараясь удивить и поразить напускной удалью; сельскіе караульщики бросили посты свои при пожарныхъ инструментахъ и околицахъ и разбѣжались по селенію; въ одномъ изъ питейныхъ заведеній выплясывало нѣсколько человѣкъ судейскихъ, только-что кончившихъ свою сессію и, какъ должно, принимавшихъ угощеніе отъ истцовъ и отвѣтчиковъ;—волостной старшина новаго типа, бывшій сидѣлецъ, дѣлецъ первой руки, самый ловкій сборщикъ податей и любимецъ исправника, благоустраивалъ за самоваромъ, окруженный своими сподвижниками, то-есть писарями и ихъ помощниками—какъ вдругъ, среди общаго ликованія, явился урядникъ Обѣдимовъ и тотчасъ же принялся водворять порядокъ и тишину. «Стой! ты что орешь?»—Я гуляю!—«Взять его!»—«Ты чего съ трубкой шляешься?»—А ты что за указъ?—«Десятникъ, въ холодную, на хлѣбъ и на воду!»—«Гдѣ караульщики, куда отлучились?»—«Вы что орете, на ночь глядя!»—Мы, ваше благородіе, радуемся, что Богъ хлѣбца послалъ.—«Маршъ въ конюшню!»—Ваше благородіе!—«Я не ваше благородіе,—я урядникъ!—Лови орляничковъ! Держи! держи!»

Невообразимая паника охватила разгулявшееся селеніе, погасли огни въ питейныхъ, все искало спасенія въ бѣгствѣ: волостные судьи, орлянички, караульщики, широкія натуры, мужики, бабы; а значительная часть обитателей с. Никольскаго встрѣтили восходъ солнца въ одиночномъ заключеніи, то-есть въ амбарахъ, конюшняхъ и сараяхъ, замѣнявшихъ темницы.

—Такъ ихъ и надо; ловко закрѣпляютъ, недавно посвятились, а такъ закрѣпили, что небось дорогу-то въ кабакъ забудутъ,—одобряли степенные мужики, всегдашніе сторонники крутыхъ мѣръ.

—Не унывай, братцы!—въ свою очередь толковали гуляки,—новая метла всегда чисто мететь. Тоже видали виды: канавы на улицахъ копали, сады разсаживали, чистоту соблюдали и все это оставлено, замаялось—такъ и это замнется.

Дѣло дѣйствительно замаялось, и не прошло мѣсяца, какъ толки напуганныхъ крестьянъ принимаютъ все болѣе и болѣе успокоительный характеръ: «Съ Протафія-то полтинникъ сгладилъ, у сидѣльца Абросима въ гостяхъ былъ; въ Шимовѣ, на свадьбѣ, двое сутокъ гулялъ... значить, жить можно».

Вскорѣ урядникъ Обѣдимовъ, въ пьяномъ видѣ, произвелъ грандіозный погромъ, кого-то изувѣчилъ, въ свою очередь былъ